
ДИСКУССИЯ

О. Л. ГУБАРЕВ

СЛЕПОТА НЕВНИМАНИЯ НЕОАНТИНОРМАНИЗМА*

Данная статья является ответом на статью А. А. Романчука¹, посвященную спорам по «варяжскому вопросу» между так называемыми «норманистами» и неоантинорманистами. Показано, что «норманизм» и «норманская теория» – это фантомы, существующие только в сознании неоантинорманистов. А. А. Романчук вслед за А. Г. Кузьминым и В. В. Фоминым выступает против основных положений отечественной и зарубежной исторической науки. В статье разобран вопрос о неоантинорманизме и показано, чем он отличается от своих предшественников и почему не играет даже той минимальной позитивной роли, которую играл антинорманизм в XIX в.

Ключевые слова: неоантинорманизм, «слепые пятна», «норманизм», варяги, А. А. Романчук.

* Неоантинорманистами мы называем такого рода исследователей в соответствии с их собственными взглядами, поскольку они отделяют себя от всех прежних антинорманистов, которых называют «мнимыми», считавших варягов скандинавами и только подчеркивавших их незначительную роль в истории Древней Руси (Фомин 2005: 120–199). И это действительно так, поскольку абсолютное большинство антинорманистов времен царской России и СССР не сомневалось в скандинавской природе варягов, за исключением небольшого числа историков XIX в. (С. А. Геденов, И. Е. Забелин, Ю. И. Венелин), считавших их балтийскими славянами (Губарев 2015а: 353–354).

Для цитирования: Губарев, О. Л. 2024. Слепота невнимания неоантинорманизма. *История и современность* 4: 79–94. DOI: 10.30884/iis/2024.04.05.

For citation: Gubarev, O. L. 2024. Inattentional Blindness of the Neoantinormanists. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 79–94 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.04.05.

¹ Статья А. А. Романчука ««Слепые пятна» норманистских гипотез в проблеме возникновения Древнерусского государства» была опубликована в журнале «История и современность», № 1/2024, с. 81–99.

История и современность, № 4, декабрь 2024 79–94

DOI: 10.30884/iis/2024.04.05

Pugna (избиение – *лат.*) – прием, ...основан на том, что противнику или концепции, которую он защищает, присваивают ложное название, после чего вся полемика ведется против этого произвольно взятого термина.

Этим приемом пользуются чаще всего в так называемых принципиальных полемиках. Противника обвиняют в каком-нибудь непотребном «изме» и потом разделяются с этим «измом».

К. Чанек

А. А. Романчук начинает свою статью с определения норманизма² и утверждения, что он существует, вопреки мнению Л. С. Клейна, который считал, что так называемый норманизм – это исторический фантом и негативный ярлык, позволяющий оппоненту сразу, еще до начала дискуссии, занять выгодную позицию (Клейн 2014: 337).

Дело в том, что каждый неоантинорманист дает свое определение пресловутому «норманизму», что указывает на то, что данное явление, скорее всего, в реальности не существует. Однако при этом всегда присутствует скрытый смысл, заложенный в определение «норманизма».

Согласно определению, данному норманской теории (еще один одиозный термин) в «Большой советской энциклопедии» (БСЭ), «политический смысл норманской теории заключался в том, чтобы представить Древнюю Русь отсталой страной, неспособной к самостоятельному государственному творчеству, а норманов – силой, которая с самого начала русской истории влияла на развитие России, ее экономику и культуру» (Прохоров 1974: 131). Собственно, тот же политический смысл вкладывается и в термин «норманизм».

Л. С. Клейн в 1960-е гг., когда готовил свою книгу, изданную только в 2009 г., признавал норманистом того, кто придерживается двух последних ступеней его метафорической «лестницы норманизма». Эти две ступени соответствуют политическому смыслу, заложенному в определении норманской теории в БСЭ.

² Несмотря на давнее существование норманской теории, написание связанных с ней терминов является неустоявшимся: возможны варианты как с одной, так и с удвоенной «н». Разница в написании этих терминов в рамках данного раздела обусловлена предпочтениями авторов статей. – *Прим. ред.*

«...Если бы норманская теория состояла из одного четкого положения, то дело было бы просто: кто его признает – норманист, кто против – не норманист. Но норманская теория – непростая конструкция. За долгие годы первоначально простая схема обросла множеством пристроек и надстроек. Наоборот, некоторые части первоначального здания отрезаны и удалены. Основной же вопрос в следующем: что из них – норманизм, а что само по себе – ненорманизм и лишь используется норманистами?...» (Клейн 2009: 121).

И далее он приводит эти две ступени лестницы «норманизма», которые, собственно, и составляют «норманизм» и соответствуют политическому смыслу «норманской теории» в определении БСЭ.

«5. Причиной важной роли, которую норманы сыграли в Восточной Европе (как и везде), является их природное превосходство над другими народами, в первую очередь над славянами, которые неспособны к самостоятельному творчеству.

6. Политический вывод к современности: опыт истории учит тому, что и впредь германцам суждено повелевать, а славянам – повиноваться... Из всей “лестницы норманизма” лишь две последних ступеньки неприемлемы, лишь ступая на них, исследователь оказывается норманистом. Но таких очень мало, добавляли мы. Теперь мы можем честно признать: таких в науке вообще не было и нет» (Там же: 199).

Действительно, ни один историк в здравом уме в недавнем прошлом и в настоящее время не делал, не делает и не будет делать подобных утверждений. Привести подобные примеры и назвать конкретных историков, заявляющих подобное, невозможно, но тем не менее именно этот скрытый смысл подразумевается при каждом использовании данного термина, сколько бы неоантинорманисты ни уверяли, что этот смысл термина они не имеют в виду.

Именно так интерпретируют неоантинорманисты любые попытки объективно взглянуть на уровень развития восточных славян дорюриковской эпохи (Минасян 2012; Губарев 2020), которым они приписывают создание «союзов племен» и даже «суперсоюзов», наличие «богатой славянской знати» и «политогенез» (Жих 2020: 116).

А. А. Романчук фактически сам признает, что определение норманизма очень расплывчато: «Норманизму как научному направлению можно дать достаточно четкое определение... Насколько данное мною определение удачно – судить читателям. И хотя можно, наверное, это определение *уточнять, дополнять, корректиро-*

вать, все же очевидно, что оно отражает реально существующий феномен» (Романчук 2024: 82; курсив мой. – О. Г.).

Но если каждый антинорманист дает свое определение этому явлению, то есть, по выражению Романчука, *уточняет, дополняет и корректирует*, то есть дает совершенно другое определение данному явлению, то стоит усомниться в том, что оно реально существует. Именно об этой расплывчатости понятий говорил в свое время, в 1960-е гг., Л. С. Клейн.

Простой пример. Вот что говорит о пресловутом норманизме В. П. Шушарин, которого цитирует Л. С. Клейн: «...Современный норманизм – во всех его формах (sic! – Л. К.)... – полностью утратил характер научной гипотезы, превратившись в средство пропаганды идеи о неспособности восточнославянских народов к самостоятельному научному творчеству» (Шушарин 1964: 238).

А вот определение норманизма согласно С. В. Томсинскому: «Под норманизмом мы понимаем утверждение скандинавского происхождения не только династии Рюриковичей, но и древнерусской государственности как таковой» (Томсинский 2014: 358).

Как видим, это определение норманизма совершенно отличается от приведенного мною ниже определения норманизма согласно А. А. Романчуку. И таких примеров можно привести множество.

Романчук делает вид, что не понимает, или просто игнорирует тот факт, что когда Л. С. Клейн в 1960-е гг. писал о «норманизме», он, в связи с господством официальной идеологии антинорманизма, вынужден был признавать существование «норманизма» и «норманской теории», что, впрочем, не спасло его позже от тюрьмы за его научные взгляды.

Но как только с распадом СССР историки и археологи смогли говорить открыто то, что думали на самом деле, Клейн занял непримиримую позицию, убедительно доказывая, что норманизм – это фантом, существующий только в умах неоантинорманистов, таких как А. А. Романчук.

Негативный смысл в общественном сознании за данным термином уже закрепился, и поэтому его использование позволяет неоантинорманистам сразу стать в позу борцов за историческую справедливость.

Иначе почему бы не отказаться от использования данного термина и не заменить его на другой, не имеющий негативных коннотаций? Но нет, в интересах неоантинорманистов использование именно этого термина, и они никогда от него не откажутся в силу

указанных выше причин. Правда, с наукой тут очень мало общего, и, как отмечено в определении БСЭ, тут замешана политика.

Себя автор статьи позиционирует как человека, стоящего над схваткой, которого «норманисты» считают «антинорманистом», а «антинорманисты» считают «норманистом» (Романчук 2024: 83).

Правда, я нигде не встречал статей, в которых бы А. А. Романчук был назван «норманистом», и, думаю, привести подобные примеры он сам тоже не сможет. Отмечу, что в последнее время принадлежать к антинорманизму как маргинальному явлению в исторической науке стало неудобно, и другие неоантинорманисты, например М. И. Жих, тоже стараются не относить себя к антинорманизму (возможно, в этом есть малая заслуга автора данной статьи). За них это делают занимаемая ими позиция и их взгляды.

Романчук прав в том, что Л. С. Клейн считал его работы наиболее серьезными среди работ других неоантинорманистов, поддерживающих маргинальные гипотезы, и поэтому тем более требующими жесткой критики.

К чести А. А. Романчука, он дал свое определение «норманизма», которое превращает в «норманизм» всю современную отечественную и зарубежную историческую науку, за исключением Г. В. Вилинбахова, А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина, В. И. Меркулова, Л. К. Грот, Е. С. Галкиной и самого А. А. Романчука.

«На мой взгляд, при всем разнообразии мнений и нюансов позиций, совершенно четким критерием здесь служит ответ на вопрос: “Были ли летописные варяги скандинавами?”» (Романчук 2013: 71, прим. 34). Этому определению и взглядам А. А. Романчука я посвятил доклад на VIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Губарев 2015б).

Говоря о «норманизме», А. А. Романчук произвольно начинает разделять его на подвиды. Он выделяет отдельно «научный норманизм», не указывая, чем же он отличается от «бытового, обывательского норманизма».

«Однако, с другой стороны, наше понимание ситуации в дискуссии норманизма и антинорманизма будет неполным, если не обратить внимание на еще одну ее важную составляющую – на то, что, помимо научного норманизма, существует и норманизм (как и антинорманизм, разумеется – и даже, пожалуй, в большей степени), если так можно выразиться, “бытовой”, “обывательский”. Его, кстати, прекрасно описал, помимо прочих, тот же Л. С. Клейн (Клейн 2009: 107–139)» (Романчук 2024: 83).

А в своем варианте данной статьи на английском языке он называет этот «обывательский норманизм» еще и «филистерским», никак не указывая, чем он отличается от научного или обывательского (Romanchuk 2023: 96).

Отметим, что термин «филистерский» носит гораздо более одиозный характер, чем просто «обывательский», если имеется в виду один и тот же вид норманизма. Словари и справочники определяют филистера как человека с узким, ограниченным, обывательским умственным кругозором и ханжеским поведением; мещанина, обывателя.

А. А. Романчук опять старается не замечать, что описание норманизма, на которое он ссылается, содержится в выступлении Л. С. Клейна по поводу книги И. П. Шаскольского на диспуте, инициированном парткомом института с целью уничтожить Славяно-варяжский семинар. Естественно, что тогда ни Клейн, ни его студенты не могли говорить то, что думали, и им приходилось изобретать свои способы борьбы с партийным мракобесием и использовать в споре такое оружие, как ссылки на норманизм К. Маркса.

Хотя А. А. Романчук дает ссылку на все выступление Клейна, но ясно, что он имеет в виду заключительную его часть «Норманизм в остатке». Любой читатель сразу поймет, что именно здесь Л. С. Клейн вынужден был отдать Цезарю цезарево, а именно выступить с гневными выпадами против «буржуазной» науки, как это было принято в СССР (как будто была отдельная «советская» и отдельная «буржуазная» наука!).

«Не в вопросе о происхождении Древнерусского государства центр тяжести норманизма. Действительным врагам нашего народа и государства норманская характеристика Древнерусского государства сама по себе не важна – им важна возможность сделать из этого выводы о непрочности современного нашего государства и творческой неспособности народа... Необходим тезис о том, что древними успехами своими варяги обязаны своим северогерманским природным качествам, расовому превосходству... Поэтому для действительно успешной борьбы против настоящего, злокачественного норманизма необходимо выяснить подлинные причины варяжских походов и их успешности во многих странах» (Клейн 2009: 132).

То есть здесь Клейн был вынужден ради спасения семинара признавать существование в зарубежной исторической науке тех самых двух последних ступеней лестницы «норманизма», о которых он позже открыто заявлял (см. выше), что их в науке и в при-

роде не существует. И именно на эти, вынужденные под угрозой разгона семинара и репрессий, слова Клейна и нашел возможным сослаться А. А. Романчук в своем обосновании существования «норманизма». И далее Романчук повторяет эти вынужденные инвективы Клейна против буржуазной науки, только уже всерьез.

«О том, что этот “обывательский норманизм” (как и антинорманизм), увы, существует (и процветает) и сегодня, свидетельствуют мелькающие в западных СМИ статьи, где возникновение Древнерусского государства рисуется примитивно-норманистским образом, на уровне представлений позапрошлого века» (Романчук 2024: 83).

Характерно, что ссылок на такие работы зарубежных ученых, которые он имеет в виду под «обывательским норманизмом», Романчук не приводит, а говорит о них огульно. И понятно, почему. Потому что такие ссылки привести невозможно в связи с отсутствием подобных книг и статей в зарубежных научных исторических журналах. Здесь он фактически повторяет выпады Л. П. Грот, приписывающей современным отечественным и зарубежным исследователям взгляды историков XVII–XVIII вв., так называемого *готицизма* (Грот 2010: 176–202).

Далее А. А. Романчук поясняет нам, в чем он видит роль «обывательского норманизма», хотя ссылок опять же не приводит. «Несомненно, что эти “обывательские” версии обоих научных течений и являются одной из определяющих причин такой ожесточенности спора между ними» (Романчук 2024: 83).

Поскольку ссылок Романчук не приводит, можно только догадываться о том, какие версии он имеет в виду. Об этом он уже говорил в другой своей работе. «И когда с капитальными пятисотстраничными работами С. А. Геденова, А. Г. Кузьмина и самого В. В. Фомина, чрезвычайно насыщенными фактами, аргументами, вопросами и действительно привлекающими огромное количество источников, зачастую ускользающих от внимания норманистов, “расправляются” одной-двумя фразами, оставляя поставленные ими вопросы совершенно без ответа, подобная “критика” нисколько не убеждает» (Романчук 2013: 120).

Под «обывательским» и «филистерским» норманизмом он имеет в виду, конечно же, саркастические статьи, критикующие неоантинорманистов без вступления с ними в «научную дискуссию». Речь идет о статьях по поводу их маргинальных взглядов, основывающихся на

вающихся на трудах XIX в. – С. А. Геденова и И. Е. Забелина, на работах XVII–XVIII вв. для изучения Руси IX в. и т. д. и т. п. (Мурашева 2009; Мишин 2005; Комар 2010; Мельникова 2009; Котляр 2007; Коновалова 2003; Кучкин 2010; Губарев 2015а; Клейн 2015; Мусин 2017).

Да и как иначе можно относиться к статьям неоантинорманистов с научными степенями, берущимися изучать историю Древней Руси по сказкам Арины Родионовны об острове Буяне, как В. И. Меркулов, или по «Сказам» П. П. Бажова и индийской космологии, как Л. П. Грот (Губарев 2019а: 7)?

Романчук уже неоднократно обвинял ученых, критикующих неоантинорманизм, в том, что они заменяют анализ аргументов неоантинорманистов их психоанализом (Романчук 2024: 84).

Далее А. А. Романчук сам переходит, видимо, не замечая этого, к психоанализу своих оппонентов, утверждая, что «можно также полагать, что именно “обывательский норманизм”, оказывая свое влияние на уровне подсознания, формирования “картины мира”, является во многом и причиной тех “слепых пятен”, что имеют место в представлениях сторонников норманистских гипотез (и даже у действительно прекрасных ученых)» (Там же).

Интересно, кого А. А. Романчук имеет в виду под «обывательскими норманистами» и кого под «действительно прекрасными учеными»?

Дело в том, что возмущенно и саркастически о неоантинорманистах писали д. и. н., к. ф. н., историк-медиевист, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заведующая центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Е. А. Мельникова, д. и. н., главный научный сотрудник, зам. директора ИВИ РАН, заведующая центром исторической географии и отделом специальных исторических дисциплин И. Г. Коновалова, д. и. н., член-корреспондент Национальной академии наук Украины Н. Ф. Котляр, к. и. н., российский историк и археолог, ведущий научный сотрудник отдела археологических памятников, заведующая сектором археологии развитого Средневековья Государственного исторического музея В. В. Мурашева и другие профессиональные историки и археологи того же уровня при всем разнообразии их научных взглядов.

Видимо, именно их А. А. Романчук подразумевает под теми самыми «обывательскими», или, в английском варианте, «филистерскими» норманистами.

Так, И. Г. Коновалова, говоря о неоантинорманистах и научной дискуссии с ними, вспоминает рассказ В. С. Шукшина «Срезал», где «народный интеллеktуал» ставит в тупик заезжего кандидата наук своими вопросами: «Как вы лично относитесь к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера?» и «Как вы относитесь к тому, что Луна тоже дело рук разума?»

По мнению Е. А. Мельниковой, Н. Ф. Котляра, И. Г. Коноваловой, Л. С. Клейна и других историков и археологов, «аргументы» неоантинорманистов из того же разряда. Но кто же тогда «действительно прекрасные ученые»? По-моему, эти два вида из классификации А. А. Романчука совпадают.

Видимо, действительно выдающимися учеными Романчук считает только А. Г. Кузьмина и В. В. Фомина, благо из всей исторической науки именно эти два известных ученых считают термин «варяги» спорным и относящимся ко всему населению Западной Европы (*sic!*) (Романчук 2024: 84).

Все сказанное Романчуком в первой части его статьи к «слепым пятнам» норманизма имеет только косвенное отношение и необходимо ему для того, чтобы сразу встать в позицию борца за историческую объективность, стоящего над спором о происхождении Древней Руси. Тем не менее, поскольку Романчук считает, что варяги – это балтийские славяне (Он же 2013), это сразу включает его в ряды неоантинорманистов, как бы он от этого ни отрекся и ни называл свою статью «взглядом со стороны».

Далее он переходит к «слепым пятнам» пресловутого «норманизма», то есть всей исторической науки, отечественной и зарубежной. Таким «белым пятном» А. А. Романчук считает тезис Л. С. Клейна, да и абсолютного большинства отечественных и зарубежных историков, о том, что «варяги – это скандинавы». И в качестве доказательства идентичности термина «варяги» IX в. и «немцы» А. А. Романчук ссылается на какие-то анналы (без конкретного указания, что имеется в виду) и на письмо Ивана Грозного королю Швеции Юхану (XVI в.).

Кстати, Романчук и в других своих работах постоянно пренебрегает требованием единства времени и пространства и готов обсуждать клятву русов X в. на примере то ирландцев времен короля Конхобара, датируемого примерно временем правления императо-

ра Августа (где Русь и где Ирландия?), то клятвы над ружьем русского крестьянина XIX в. (Романчук 2018: 94, 97).

Другое «слепое пятно», по мнению А. А. Романчука, – это происхождение варягов. Интересно, что в поисках происхождения термина «варяги» Романчук считает термины *varini*, *vari*, *vagri*, *vaigri* и т. д. производными от германского, по его мнению, термина *vaeringi*. В этом его позиция отличается от взглядов остальных последователей А. Г. Кузьмина, считающих по созвучию термин «варяги» происходящим от этнонима «вагры». При этом Романчук не поясняет, как племя балтийских славян – вагров могло получить свое наименование от германского этнонима.

Далее без доказательств Романчук заявляет, будто не может согласиться с тем, что этноним «русь» означал скандинавов. При этом он игнорирует четкое указание летописца, ставящего русов в один ряд с другими скандинавскими народами (Адрианова-Перетц 1950, ч. 1: 214).

Затем А. А. Романчук ссылается на гипотезу С. Л. Николаева о существовании особого русско-варяжского диалекта. Не являясь лингвистом, не буду касаться этой темы. Однако по поводу данной гипотезы С. Л. Николаева М. В. Елиферовой были высказаны серьезные сомнения (Елиферова 2020: 55, 60–61, 64).

Далее Романчук переходит к связям Старой Ладogi с Фризией. Надо отдать ему должное, он совершенно справедливо говорит о достаточно тесных связях русов с фризами, упоминая все те археологические артефакты, о которых говорил и я (Губарев 2019б: 220–224), перечисляя связи и заимствования – камерные погребения, фризские гребни, ритуальные сосуды типа Татинг и т. д. Он говорит об этих связях как о доказательстве, что они доставлены в Восточную Европу фризами, а не скандинавами. Но здесь решающую роль начинает играть хронология.

Слепота невнимания А. А. Романчука заключается в том, что он игнорирует гипотезу о «фризских данах» Рёрика Фрисландского, тождественного, согласно этой гипотезе, Рюрику. Тогда указание летописца, ставящего русов в ряд скандинавских народов, но указывающего, что они отличались от остальных варягов-скандинавов, полностью оправдывается. Ибо именно «фризские даны», в отличие от остальных скандинавов-язычников, первыми и раньше других скандинавов приняли христианство и почти 70 лет провели во Фризии, на территории империи франков (Bauduin 2024: 1–9).

«Сам основатель династии, сумевшей объединить Северную и Южную Русь в единую могущественную державу, Рюрик “Начальной летописи”, носил имя, традиционное в его роду. Вполне убедительное отождествление этого исторического персонажа с ютландским вождем Хререком из датского королевского рода Скъельдунгов... долго отвергалось учеными, пребывавшими под мощным гнетом официального антинорманизма, и лишь в последнее время получило справедливое признание в советской исторической науке...» (Молчанов 1992: 45).

Но, во-первых, расцвет фризской торговли приходится на VIII в., а в IX в. их сменяют скандинавы (Lebecq 1989: 45–59). Скандинавское происхождение русов подтверждается сообщением Титмара Мерзебургского о «быстроногих данах», населяющих Киев, проверяемое по сообщениям двух византийских хроник о русах-дромитах «от рода франков», называемых дромитами за быстроту перемещений (Karlin-Hayter 1965; Горский 2008). Не говоря уже об огромном количестве археологических находок скандинавского происхождения на территории Древней Руси.

А во-вторых, в договоре Игоря с греками дважды (в преамбуле и в заключительной части) повторяется древнефризская формула (Губарев 2017), которая встречается и в «Молитве» митрополита Илариона (Молдован 2018), что указывает на прямые контакты скандинавов-русов с фризами. И, таким образом, ссылки А. А. Романчука на связи Руси с Фризией, вопреки его намерению, только лишний раз доказывают скандинавскую природу русов (данов) Рюрика.

В-третьих, одним из самых сильных аргументов против маргинальной гипотезы о варягах и русах как балтийских славянах является их особое отношение к христианству. Нетерпимость балтийских славян к христианству, которое они рассматривали как инструмент их порабощения франками, известна.

А уже при Игоре количество христиан на Руси было столь велико, что они приносили отдельную присягу в церкви. Эпизод с варягом-христианином и его сыном в «Повести временных лет» говорит о роли варягов-христиан на Руси. Кроме того, ни сам А. А. Романчук, ни В. В. Фомин так и не рассмотрели критику этой фантастической балтийско-славянской гипотезы со стороны И. И. Первольфа, хотя необходимость такого опровержения ее положений Романчук отмечал еще в 2013 г. (Романчук 2013: 85).

И, наконец, самое главное. В своей статье А. А. Романчук обходит молчанием вторую альтернативную гипотезу Е. С. Галкиной о происхождении русов от рокс/рухс-алан, взаимоисключающую по отношению к гипотезе русов как балтийских славян (Галкина 2002).

А ведь из двух взаимоисключающих гипотез неоантинорманистов верной может быть только одна, или обе могут быть неверны. Но чтобы избежать спора и разделения ничтожной кучки историков-неоантинорманистов еще и между собой, Е. С. Галкина смешивает своих алан с балтийскими славянами, тем самым объединяя две взаимоисключающие гипотезы в одну (Галкина 2002). Хочется спросить: где же здесь наука?

Известен также прием неоантинорманистов, ставящих все альтернативные гипотезы происхождения Руси – скандинавскую, от рюгенских славян, от алан – в один ряд, перечисляя их как равнозначные, без учета их достоверности, опирающейся на количество и качество исторических и археологических фактов. Но когда есть скандинавская гипотеза, убедительно отвечающая на все основные вопросы, то маргинальные альтернативные гипотезы срезаются «бритвой Оккама», требующей не умножать сущности сверх необходимого.

Не упоминает А. А. Романчук и о двойственности варягов у В. В. Фомина, который вынужден, в связи с огромным количеством археологических находок и невозможностью отрицать очевидное, признать, что варяги с X в. были скандинавами, а вот до того – балтийскими славянами (Фомин 2005). Но никак не объясняется перенос имени с балтийских славян на скандинавов.

И последнее. Сами неоантинорманисты археологических и исторических исследований не ведут, а в своих работах вынуждены использовать труды тех, кого они именуют «норманистами».

И А. А. Романчук здесь не исключение. Собственно, об этом говорит сам заголовок статьи Романчука, который считает, что «слепые пятна» мешают так называемым «норманистам», среди которых есть «действительно прекрасные ученые», правильно оценивать результаты своих работ, которые только неонорманисты могут правильно понять и оценить.

И хотя открыто об этом Романчук не говорит и старается объяснить «инерцией мышления», но из такого подхода подспудно следует, что все так называемые «норманисты» (а это почти все отечественные и зарубежные археологи и историки, считающие

варягов скандинавами) настолько глупы, что не могут сделать правильные выводы из собственных вполне профессиональных работ.

Потому что если работы этих историков и археологов, так называемых «норманистов», признать ошибочными и выполненными на несоответствующем уровне, то неоантинорманистам вообще не на что будет опираться. Поскольку, за исключением некоторых работ поздних немецких историков XVI–XVII вв. (Меркулов 2015), трудов антинорманистов XIX в. Е. И. Классена, С. В. Руссова, С. А. Геденова, И. Е. Забелина (Фомин 2005: 11, 100–101, 137–142, 142–145) и фальсификата – Иоакимовской летописи (Азбелев 2003), у неоантинорманистов нет другого выхода, кроме как использовать работы так называемых «норманистов» (см. ссылки А. А. Романчука на работы Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина, Л. С. Клейна, Е. И. Горюновой, С. Л. Санкиной, А. В. Плохова и других «норманистов» в рассматриваемой здесь статье А. А. Романчука).

А если признать, что исследования «норманистов» выполнены на профессиональном уровне и показывают результаты, на самом деле подтверждающие догадки неоантинорманистов, то отсюда следует тот самый вывод о коварстве этих историков и археологов, которые скрывают истину, искажают реальность и лгут народу. Из этого следует, что только неоантинорманисты открывают народу глаза на правду и истину. И это тот вывод, который постоянно встречается среди сторонников неоантинорманизма в Интернете.

В заключение хочется отметить ничтожность реальных *фактов*, например археологических находок, которые могут привлечь неоантинорманисты в поддержку своих маргинальных гипотез, и в основном наличие *интерпретаций*, вроде рассуждений по поводу этнонима *варяги*.

Все неудобные для данной гипотезы аргументы, говорящие в пользу ее ненаучности, А. А. Романчук предпочитает сознательно игнорировать. В этом и заключается слепота невнимания неоантинорманистов.

Литература

Адрианова-Перетц, В. П. (ред.). 1950. *Повесть временных лет*. Ч. 1. Ч. 1–2. 1-е изд. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук.

Азбелев, С. Н. 2003. К изучению Иоакимовской летописи. *Новгородский исторический сборник* 9(19): 5–27.

Галкина, Е. С. 2002. *Тайны Русского каганата*. М.: Вече.

Горский, А. А. 2008. Русь «от рода франков». *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 2(32): 55–59.

Грот, Л. П. 2010. Современный норманизм – наследник готицизма, рудбекианизма и утопий эпохи Просвещения. В: Фомин, В. В. (ред.), *Варяго-русский вопрос в историографии*: сб. Вып. 2. М.: Русская панорама. С. 176–202.

Губарев, О. Л.

2015а. «Неонорманизм» или неоантинорманизм? *Stratum plus* 5: 351–355.

2015б. А были ли варяги скандинавами? Об определении «норманистов» и «норманизма» по А. А. Романчуку. Тезисы доклада участника VIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 3(61): 37.

2017. «Дондеже солнце съяеть и весь миръ стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.). *Valla* 3(3): 16–22.

2019а. Царь Салтан и Медной горы хозяйка. *Троицкий вариант* 280: 7.

2019б. *Рюрик Скьельдунг*. СПб.: Евразия.

2020. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика. *Novogardia* 2: 4–36.

Елиферова, М. В. 2020. Англосаксонский след в договорах Руси с Византией. В: Рашковский, Б. Е. (отв. ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики Античности и Средневековья*. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 51–72.

Жих, М. И. 2020. О недопустимости дилетантизма в исторической работе. Реплика по поводу статьи: Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика. *Исторический формат* 4: 115–134.

Клейн, Л. С.

2009. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. СПб: Евразия.

2014. Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора. *Stratum Plus* 5: 335–343.

2015. Ленинградский неонорманизм – в самом деле? *Stratum Plus* 5: 345–349.

Комар, А. В. 2010. «Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е. С. Галкиной). *Ruthenica* 9: 93–96.

Коновалова, И. Г. 2003. Второе пришествие варягов. *Независимая газета Ex Libris* 16 января. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2003-01-16/7_varyg.html?id_user=Y.

Котляр, Н. Ф. 2007. В тоске по утраченному времени. В: Горский, А. А. (отв. ред.), *Средневековая Русь*. Вып. 7. М.: Индрик. С. 343–353.

Кучкин, В. А. 2010. Был ли русский Север Варягией в праиндоевропейское время? *Российская история* 4: 192–207.

Мельникова, Е. А. 2009. Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке. *Родина* 3: 56–58; 5: 55–57.

Меркулов, В. И. 2015. Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Фридриха Хемница. *Исторический формат* 2: 54–74.

Минасян, Р. С. 2012. Попытка трезво оценить уровень раннеславянского металлообрабатывающего производства. В: Горюнова, В. М. (науч. ред.), *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968)*. Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г. СПб.: СОЛО. С. 281–284.

Мишин, Д. Е. 2005. Рец. на кн.: Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М., 2002. 452 с. *Славяноведение* 4: 95–96.

Молдован, А. М. 2018. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона. *Словъне. Международный славистический журнал* 7(1): 8–26.

Молчанов, А. А. 1992. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей. В: Новосельцев, А. П. (отв. ред.), *Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. [IV] Чтения памяти В. Т. Пацуто. Москва, 15–15 апреля 1992 г.: тезисы докладов*. М.: Ин-т российской истории РАН. С. 44–47.

Мурашева, В. В. 2009. «Путь из ободрит в греки...» (археологический комментарий по «варяжскому вопросу»). *Российская история* 4: 174–180.

Мусин, А. Е. 2017. «Столетняя война» российской археологии. В: Вишняцкий, Л. Б. (отв. ред.), *Ex Ungue Leonet: сб. статей к 90-летию Л. С. Клейна*. СПб.: Нестор-История. С. 223–244.

Прохоров, А. М. (ред.). 1974. *Большая советская энциклопедия*: в 30 т. 3-е изд. Т. 18. М.: Сов. энциклопедия.

Романчук, А. А.

2013. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Вестник КИГИТ* 36 (6): 73–131.

2018. Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели. *Revista Arheologică* XIV(1): 93–107.

2024. «Слепые пятна» норманистских гипотез в проблеме возникновения Древнерусского государства. *История и современность* 1: 82–99.

Томсинский, С. В. 2014. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги. *Stratum plus* 5: 357–370.

Фомин, В. В. 2005. *Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу*. М.: Русская панорама.

Шушарин, В. П. 1964. *Современная буржуазная историография Древней Руси*. М.: Наука.

Bauduin, P. 2024. Les Francs et la succession danoise. Harald Klak: un modele d'integration a l'epreuve? *LAMOP* August 26. URL: https://lamop.pantheonsorbonne.fr/sites/default/files/inline-files/Frontieres_Harald_Klak_Bauduin_2006.pdf

Karlin-Hayter, P. 1965. Swift Danes. *Byzantion* 35: 359.

Lebecq, S. 1989. Frisons et Vikings: remarques sur les relations entre Frisons et Scandinaves aux VIe-IXe siecles. In: *Les mondes normands (VIIIe–XIIe s.)*; *Actes du deuxieme congres international d'archeologie medievale* (Caen, 2–4 Octobre 1987). Caen: Societe d'Archeologie Medievale. Pp. 45–59.

Romanchuk, A. A. 2023. “Blind Spots” of the “Scandinavian-Centric” Hypothesis on the Origin of the Old Russian State. *Social Evolution & History* 22(2): 94–110.